

Евгений Федоров

КАМЕННЫЙ ПОЯС

ХОЗЯИН КАМЕННЫХ ГОР

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ф 33

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-30746-9

© Е. А. Федоров (наследник), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Никита Акинфиевич Демидов — могущественный владетель Нижнетагильского, Каштымского, Каслинского и многих других уральских заводов — находился в зените своей славы и богатства. Царствующая императрица Екатерина Алексеевна не оставляла заводчика своим вниманием. Обладая несметными богатствами и недюжинным умом, уральский магнат играл роль просвещенного вельможи. Подражая своей покровительнице-государыне, он вел переписку с французским философом-энциклопедистом Вольтером на вольнолюбивые темы.

В этот памятный теплый летний день Никита Акинфиевич, грузно развалившись в кресле на широкой террасе своего нижнетагильского дворца, писал очередное письмо пребывающему в изгнании фернейскому мудрецу. С террасы открывался безбрежный зеркальный пруд с островками, покрытыми яркой зеленью тенистых дубрав, приятных освежающей прохладой. Леса, просторы, гребни Уральских гор — все вдаль покрывала легкая сиреневая дымка. На лоне светлых вод под жарким полуденным солнцем плавал большой сверкающий снежной белизной лебедь. Где-то на островке неожиданно раздался выстрел. Встревоженный лебедь приподнялся над водой и замахал широкими серебряными крыльями. Среди брызг пены он шумно, на весь пруд, как мифический Пегас, быстро-быстро побежал по воде, наконец поднялся, сделал плавный круг и потянул вдаль, роняя звонкие клики. Он поднимался все выше и выше и, как чудесное видение, вскоре растаял на фоне пухлого облака. А над прудом все еще звенели, угасая, его стонущие крики.

«Эх, подлецы, напугали птицу!» — недовольно поморщился Никита Акинфиевич и прислушался к заводским глухим звукам.

От пруда веяло живительной прохладой, над просторами вод, поблескивая крыльшками, летали стремительные стрекозы. День был напоен солнцем. Поблизости, на садовой дорожке, дрались неугомонные воробьи. На дубовом паркетном полу колебались ажурные тени, падающие от густого хмеля, укрывшего террасу. Без парика, но в атласном голубом камзоле, седеющий Демидов склонился над письмом.

«Просвещеннейший учитель, — медленно, с тяжелой одышкой писал он, — все дни мои занимают мысли о человеческом достоинстве и свободе человеческой личности. Из священных писаний и токмо из отеческих преданий поведано, что человек создан по образу и подобию Божьему. Не токмо великие вельможи, но и крепостной раб имеет равную душу, и потому...»

Никита Акинфиевич вздрогнул: кто-то осторожно позади кашлянул и обеспокоил хозяина. Заводчик отложил перо и взволнованно оглянулся. У двери стоял приказчик Селезень. Он давно уже тихо пробрался на террасу и, стоя за креслом хозяина, зорко следил за каждым его движением. В пронзительных мрачных глазах приказчика была тревога. Когда-то бравый Селезень, проворный и видный молодец с цыганским лицом, теперь подсох, ссутулился, поседел. В этом былом красавце угасало все, но с годами он стал еще злее и рачительнее к демидовскому добру.

— Ты что? — встревоженно взглянул на приказчика Никита Акинфиевич. — Что тебе надобно?

Селезень переминался, поскрипывая сапогами, не решаясь что-то сказать хозяину.

— Говори, холоп, что стряслось? — грозно насупился Демидов.

— Плавку передержал мастерко Иванко; все порушилось, — сдержанно вымолвил Селезень.

— Черт! — вспыхнул и налился багровостью хозяин. — Что же он думал, пес? Наше добро переводить осмелился, лукавый!..

Тяжелой поступью Демидов прошелся по паркету. Дышал он прерывисто, с посвистом. Лицо стало сизым от прилива крови, по жилам так и расходилась злость. Никита Акинфиевич не сдержался, поднял большие кулаки и, наступая на приказчика, зарычал:

— Забить подлого за такое дело! Забить! Положить на горячую плиту и хлестать плетями. Пусть знают холопы, как надо беречь хозяйское добро!

Он хрипел, отдувался, каждая жилка в его большом дряблом теле трепетала от раздражения. Почуввав сильную грозу, Селезень учтиво поклонился и, скрываясь за дверь, выкрикнул:

— Постараюсь, хозяин!

Приказчик исчез так же быстро и неслышно, как и появился.

Демидов знал, что приказ его выполнят точно и безжалостно, но мысль об этом не принесла успокоения. Еще с утра его томила тяжелая тоска, кружилась голова и что-то давило на темя, покрытое реденькими седыми волосами. Раздражительность все больше овладевала им. Шаркая ногами, он утомленно заходил по террасе. Серые мешки под его глазами набухли, прорезались сетью глубоких морщин. Он смотрел на серебристый пруд и огорченно думал:

«Ох, горе! Как быстротечна жизнь, словно талые воды! Красота и та меркнет от неумолимого времени! Неужели пришла старость?»

Цепкими сухими пальцами он схватился за балясины перил и жадно задышал свежим прудовым воздухом. Однако ни свежесть, ни сияние радостного летнего дня не могли успокоить дряхлеющего тела. Все продолжало клокотать в нем. Никита Акинфиевич пытался овладеть собой, но не смог погасить вредного волнения.

Сколько прошло времени, он не помнил. Ему казалось, пролетела вечность. Напряжение, которое держало его тело и мозг, достигло невероятной силы. Он возбужденно поглядывал на дверь, прислушивался к звукам на дворе, но кругом было тихо.

«Что же так долго не слышно крика? Почему не возвращается Селезень?» — обеспокоенно подумал Демидов.

Тусклые глаза его скользнули вдоль аллеи, убежавшей от террасы в глубину сада. Окаймленная цветущей сиренью, она манила прогуляться. Укрытые пышными душистыми гроздьями цветов кусты казались лиловыми.

Старый, густолиственный, совершенно запущенный сад с тенистыми дорожками, с дремучими зарослями одичавшего кустарника, сколько грустных воспоминаний навеивает он сейчас! Вот

прямо от ступенек террасы круглый бассейн, наполовину покрытый зеленой ряской. Подле воды, на низком гранитном пьедестале, белеет нестареющая статуя козлоногого сатира. Сколько в нем дикости, силы и страстности! Он стоит, скрестив на косматой, с выдающимися ключицами, груди худые руки. Большой жадный рот с толстыми чувственными губами искривлен от желаний, а выпуклые навывкате глаза нагло и дерзко смеются.

Да, когда-то в этом парке проходила иная жизнь, и тогда он, Демидов, был молодой и сильный. А сейчас он очень походил на покойного дядюшку Никиту Никитича! Тот же злой, волчий взгляд, высокомерная брезгливость к окружающим и такая же прорва жестокости.

Никита Акинфиевич, опираясь на суковатую палку, спустился к бассейну. Повяло прохладой, легкий ветерок рябил тихую воду, и в ней, в зеленой глубине, сверкало отражение сатира. Оно слегка покачивалось на воде, и Демидову казалось, что живот и грудь козлоногого дрожали от беззвучного смеха. Никите стало не по себе, и он обеспокоенно оглянулся на статую.

«Но что же так долго не идет Селезень?» — недовольно нахмурился он и нетерпеливо захлопал в ладоши.

— Эй, кто там есть, холопы! — пробасил он хриплым голосом, и глухой рокот покатился к хоромам.

По его зову на веранде вновь появился приказчик. Избегая встретиться взглядом с Никитой Акинфиевичем, он смущенно потупился, молчал.

— Ну? — строго спросил Демидов. — Отхлестали? Молчком, что ли, отошел в лоно Авраамово?

Селезень поднял на хозяина потемневшие глаза.

— Сбег! — коротко сказал он.

— Как сбег? — выпучил глаза от изумления Никита Акинфиевич. — Не может быть! — Он крепко сжал толстую палку и пошел на приказчика. Лицо хозяина искривилось от злобы, толстые багровые щеки, похожие на окорока, тряслись.

— Побойтесь Бога, Никита Акинфиевич! — покорно взмолился Селезень. — Да нешто я виноват в сем деле?

Взор Демидова внезапно упал на мраморного циника, руки которого по-прежнему были скрещены на груди сильным движением, а губы кривились от наглости и презрения. Демидов повернулся к бассейну, и на его колеблющейся поверхности он

увидел, как могучее тело сатира — его худые выдающиеся ребра и тощие бока — дрожало от злорадного хохота. Никита взбесился, размашистым сильным движением бросился к статуе, опрокинул ее на землю и стал колотить палкой.

Голова сатира, упавшего на каменный край водоема, с дребезгом откатилась к ногам обезумевшего заводчика. Белыми искрами сыпались куски мрамора в зеленую глубину пруда и на платье Никиты.

— Над кем смеешься? Над кем? — в ярости кричал Демидов, и вдруг внезапная страшная судорога прошла по лицу. Он странно обмяк, бессильно выпустил палку и, словно подкошенный невидимой силой, упал на обломки и протяжно простонал:

— А-а-а...

— Батюшки, да что же это такое? — в отчаянии вскрикнул приказчик и бросился к Демидову. Лицо хозяина стало белее полотна, расширенные зрачки застыли, на дряблых слюнявых губах пузырилась пена.

— Люди, с хозяином худо! — вбежав на террасу, на все хоромы истошно закричал перепуганный приказчик. Он быстро вернулся и обнял Никиту Акинфиевича за плечи. — Батюшка, что с вами? Очнитесь! — упрашивал он Демидова. А тот, упав лицом на холодный изуродованный мрамор, хрипел.

На испуганный крик приказчика отозвались многочисленные голоса: со всех концов дворца сбегалась дворня. Толкаясь, дворовые спешили выбраться на террасу. Прибежал с лейкой в руке старичок-садовник, за ним приковылял домашний лекарь — сухонький, тщедушный немчик Карл Карлович. Поблескивая большими, сползающими на красноватый нос очками, он суетливо растолкал дворню и схватил хозяина за обвислую руку.

— Это есть апоплектична удар! — с ученой важностью вымолвил лекарь. — Надо живо в постель!

Еще больше огрузневшего Никиту с натугой отволокли в просторный светлый кабинет и положили на широкий ковровый диван. Селезень проворно разоблачил Демидова. Набравшая дворня, толпясь, с любопытством молчаливо рассматривала поверженного внезапной хворостью заводчика. Их волновали и страх и радость. Могучий и грозный хозяин, который держал в своих руках огромные владения и заставлял трепетать вокруг себя все живое, вдруг разом сражен и стал беспомощен. И оттого,

что грозный нижнетагильский властелин так сейчас беспомощен, радовалось сердце крепостных. Не одна пара глаз дворовых с плохо скрытой ненавистью смотрела на Демидова.

— Уйди прочь! Уйди сейчас! — суматошно замахал руками лекарь на дворню. — Нужна пускать кровь!

Он прокричал что-то черноглазой горничной девке, и та, мелькнув крепкими пятками, унеслась из кабинета. Селезень выгнал дворовых, закрыл за ними массивную дверь. Никита Акинфиевич лежал скрюченный и безмолвный. Приказчик пытливо посмотрел на лекаря.

«Неужто помрет хозяин?» — спросил его встревоженный взгляд.

— Он будет жить! — важно сказал Карл Карлович и стал зашучивать рукава. — Мы будем открывать кровь...

Словно перед устрашающей бурей, во всем обширном доме установилась глубокая гнетущая тишина. Никита Акинфиевич незадолго до беды овдовел, дочь отвезли на воспитание в Санкт-Петербург к родственникам, и сейчас при отце оставался один сынок Николенька. Гувернантка, мисс Джесси, увела его в сад.

Лекарь пустил Демидову кровь. Густая, черная, она тяжелыми каплями с легким стуком падала в подставленный медный таз. Черноглазая горничная девка со страхом смотрела на стекающую кровь.

2

Три дня Никита Акинфиевич безмолвно лежал, отвернувшись к стене. Страшное оцепенение овладело не только его телом, но и душой: все вдруг стало безразличным. С назойливостью вспоминалось безнадежное изречение из книги пророчеств Екклезиаста: суета сует и всяческая суета!

Осторожно, тихо слуги вынесли из кабинета лишнюю мебель, и стало больше простора. По приказу лекаря закрыли ставни, в комнате сгустился полумрак, и всюду запахло сыростью, лекарствами и неприятным застоявшимся воздухом, обычным в плохо проветриваемых помещениях.

На четвертый день Демидов пришел в себя, вызвал приказчика Селезню и долго пытливо смотрел на него.

— Что, небось холопы думали, умру? — В глазах больного вспыхнули злорадные огоньки. — Погоди, я еще встану. Жить буду!

Говорил хозяин уверенно, спокойно, и приказчик твердо уверовал, что Никита Акинфиевич и в самом деле скоро поднимется со своего скорбного ложа.

— Покличь сына! — властно приказал Селезню Демидов.

— Mein Gott! — потрясая руками, огорченно вскричал лекарь. — Мой добрый господин, что ви делает? Вам нужна абсолютна покой...

— Ты погоди, не лезь! — рассудительно остановил его хозяин. — Хватит, еще належусь. Наследника хочу зреть. Зови! — кивнул он приказчику.

В эту самую пору в большом зале за круглым столом сидела англичанка Джесси, а подле нее вертелся на стуле неугомонный сыночек Демидова, Николенька. Крепкий, широкоплечий, с румянцем во всю щеку, пятнадцатилетний мальчуган нетерпеливо выслушивал нудные наставления гувернантки. Из его карих озорных глаз брызгал смех. Она сидела прямая и сухая, вытянувшись в струнку, с седеющими жиденькими волосиками, тщательно завитыми. Из-под рыжеватых бровей на Николеньку строго посматривали серые живые глаза в очках. Перед Джесси лежала раскрытая книга, но она не смотрела в нее, а все говорила и говорила, медленно, тягуче и так скучно, как скучно и надоедливо моросит осенний дождик.

— Ты очень взбалмошенный мальчишка! Ты несколько не жалеешь отца! — укоряла она его. — Он очень болен, весьма болен. Это надо понимать!

Сухие губы мисс недовольно поморщились. Она вскинула на мальчугана серые глаза и продолжала свою бесконечную жвачку:

— Каждый человек всегда должен думать о своем здоровье. Я, когда немножко болен, иду к Карлу Карловичу, прошу узнать, что это такое. Он говорил мне надевать мою теплую шубку, шарф, платок, хорошую обувь, и тогда я шла на солнце. Я вот так сидела целый день. Смотри! — Она молитвенно сложила на плоской груди руки и жадно задышала. — Это очень, весьма полезно для здоровья...

— Трах! — вдруг хлопнул кулаком по столу Николенька. — Убил.

Мисс Джесси нервно вздрогнула, скривила тонкие губы.

— Ах, какая нечистота! — морщась, недовольно посмотрела она на озорника. — Так не может поступать благородный человек!

— Так это ж муха! Ха-ха, муха! — Молодой Демидов вскочил и запрыгал на паркете. Он кривлялся, размахивал руками, гримасничал, не замечая грустного выражения на лице оскорбленной мисс.

Косая полоска солнца упала в распахнутое окно дворца, золотой дорожкой протянулась по паркету и воспламенила густые кудреватые волосы озорника, его круглое курносое лицо и большие оттопыренные уши.

— Ха-ха, муха! — кричал неистово Николенька, когда на пороге чинно появился приказчик Селезень.

— Вас зовут, Николай Никитич, — почтительно сказал приказчик шалуну и хмуро посмотрел на гувернантку. «Опять небось великовозрастному детине морочит голову, а у него на уме, поди, другое!» — недовольно подумал он.

Веселый, потный и румяный Николенька ворвался в комнату Никиты Акинфиевича.

— Батюшка! — радостно кинулся он к отцу. — Батюшка, милый, вы все еще лежите, а на дворе-то как хорошо!

Щеки мальчугана пылали. Каждая жилочка, каждый мускул в его резвом здоровом теле жаждали движений, игры. Желтое поблекшее лицо Демидова озарилось доброй улыбкой.

— Все озоруюшь, буян? — сказал он ласково.

— Ви будьте ошень осторожна: господин есть болен! — строго предупредил лекарь, сдерживая пыл демидовского наследника.

Нахмутив круглый загорелый лоб, Николенька осторожно уселся на краешек дивана. Он поджал полные длинные ноги и выжидательно смотрел на отца. Демидов залюбовался сыном. Стройный, крепкий, с выпуклыми темными глазами, он многим напоминал Никите Акинфиевичу деда — тульского кузнеца.

— Хорош! Демидовская кость! — не утерпел и похвалил сына больной. На мальчугане были надеты короткие бархатные штаны и камзол коричневого цвета, плотно обтягивавший его крупное, слегка полное тело, на груди — белое кружевное жабо. «Настоящий барин, дворянин!» — с одобрением подумал Никита, и чело его омрачилось: «Жаль, не дожила Александра Евтихievна до сих дней. Полюбовалась бы детищем!» Он вздохнул и, построжав, сказал сыну:

— Видишь, немощен я стал. На сей раз по благодати Бога выберусь из беды, но курносая все же не за горами сторожит меня. По всему видать, отгулял я свое, а у тебя на уме только шалости. Помни, сын, ты мой единственный наследник и на тебя теперь все упования, не только мои, но и рода демидовского. Все, что не довелось завершить мне, сделаешь ты! Пора к делу ближе стать. Экий ты великовозрастный стал, прямо жених! — с искренним любованием вырвалось из уст старика.

Он многозначительно замолчал, собираясь с мыслями. Николенька между тем егозил на диване; его нежный сыновний порыв давно уже остыл: затхлый воздух комнаты, лекарственные запахи были ему не по душе и гасили его шальную радость. Он недовольно, слегка брезгливо морщил нос, стараясь почтительно смотреть в глаза отцу.

— Вы что-то хотели сказать, батюшка? — нетерпеливо напомнил он больному.

— Да-да, сказать! — перебирая сухими скрюченными пальцами по голубому атласному одеялу, сказал Демидов. — Селезень, ты здесь? — повысил он голос и властно посмотрел на приказчика, ожидающе вытянувшегося у двери.

— Здесь, Никита Акинфиевич, и слушаю вас, — негромко отозвался Селезень. — Вам шибко говорить вредно!

— Подойди сюда поближе да слушай, холопья душа! — сурово сказал Демидов. — Сына моего и наследника настала пора приучать к делу. Отыщи разумного мастера, пусть пройдет с ним все доселе известное в нашем искусстве. Искони Демидовы знали добычу руд, плавку их, изготовление железа. Пусть и он, Николай Никитич, до всего доходит сам. Пора! А мисс Джесси пусть с годок поживет у нас в имении... Все... А ты можешь идти! — обратился он к сыну и одними глазами улыбнулся.

Николенька вскочил и вихрем вырвался из кабинета. Скользя по навощенному паркету, он пронесся по залу и через широко распахнутые двери выбежал на куртину. Там, подняв голову, стояла англичанка и восхищенно любовалась пухлыми облаками, величественно-медленно плывущими по синему-синему небу. Завидя шумного питомца, она закатила под лоб глаза и томно вздохнула:

— Ах, Николенька, давай будем любоваться природой! Мы будем сейчас немного благоразумны: вот хороший дорожка, и мы

пойдем взад и вперед по ней и будем глубоко дышать и смотреть на облака и на вот эти цветочки и думать о чудесный божий дар — природа!

Молодой Демидов скорчил постную гримасу, отмахнулся.

— Ну вас, мисс Джесси! — Он взвизгнул и резвым жеребенком побежал вокруг куртины.

— Странно, очень странно! — глядя ему вслед, укоризненно сказала англичанка. — Я никак не предполагала, что ты не любишь природу. Ты совсем равнодушен ко всему этому!

— Люблю! Люблю! Не равнодушен! — закричал весело Николенька. — Только вы мне надоели!

Зоркими глазами Николенька заметил на плотине рыжую девчонку, разбежался, подпрыгнул и с визгом одним махом пронесся через клумбу и помчался по дороге к пруду. В минуту он почти настиг рыжую, но, заметив барчонка, стройная и проворная дворовая быстро вильнула и скрылась в тальнике. Молодой Демидов следом за ней вломился в зеленую чащу.

Мисс Джесси долго смотрела на колеблющиеся тонкие вершинки тальника, потом огорченно вздохнула:

— Боже мой, что только будет с ним! В мальчике говорит плебейская кровь. Фи, с какими людьми он ведет знакомство! — Она презрительно передернула худыми плечами и, горделиво вскинув голову, пошла к террасе.

3

Николенька несколько не унывал оттого, что с отцом случился удар. Только теперь, в дни болезни Никиты Акинфиевича, он почувствовал истинную свободу. Его порывистый, страстный и необузданный характер не знал границ, только один строгий и крутой на руку отец мог сдерживать его порывы. Сейчас эта преграда пала: батюшка второй месяц недвижим лежал у себя на диване.

Совсем недавно Карл Карлович разрешил открывать ставни, и голубой летний день, смотревший в окна кабинета, бодрил Демидова. Его слух привычно ловил знакомое ритмичное дыхание завода. Изредка в окно доносились крики дворовых, а среди них выделялся резкий буйный голосок сына, от которого у Никиты Акинфиевича теплело на душе. В эти часы душевного покоя он

чувствовал, как в его огромное костистое тело вновь возвращается жизнь. И с постепенным приливом сил Демидов вспоминал давно минувшее: свою первую любовь — золотоголовую горячую полячку Юльку, горемычную Катерину, итальянку Аннушку и горькую судьбу Андрейки.

«Все, все отошло, словно в туман уплыло! — грустно думал он. — Много бед и крови... Ох!» — тяжело вздыхал он, беспокойно ворочаясь на постели...

А в эти часы печальных отцовских раздумий сынок куролесил среди дворовых. Мисс Джесси оставалась в одиночестве и подолгу сидела у распахнутого окна своей горенки, в которой в давние годы томилась Юлька. Молодой Демидов бушевал в нижних хорах. Однажды в послеобеденный час, когда грузно набившая утробы дворян вместе с приказчиком находилась в дремучем сне, Николенька прокрался к рыхлой, толстой стряпухе и густо вымазал ее лицо сажей. Только что пробудившийся от обуревавшего крепкого сна приказчик Селезень скричал подать квасу. Почесываясь, стряпуха вышла из каморки.

— Свят, свят, с нами Бог! — оторопело пятясь к двери, закрестился приказчик. — Анчутка! — заорал он.

На крик набегали дворовые и со страхом пялили глаза на стряпуху.

— Да вы сдурели, что ли? — сердито сверкая белками глаз, закричала она.

— Господи боже, твоя воля, никак это голос Домахи? — все еще не веря своим глазам, ахали дворовые. Толстопятая горничная девка сбегала в барские покои и принесла серебряный поднос.

— Накось, взгляни на себя! — предложила она, подставив под круглое лицо стряпухи зеркальный металлический лист.

— Ахти, худо мне! — взглянув, вскрикнула стряпуха и стыдливо закрыла лицо передником. Она бросилась к рукомойнику, мылась, терлась и вся кипела от нахлынувшего гнева. Через распахнутые окна кухни, в которой жаром дышала раскаленная печь, донеслись озорные крики молодого Демидова.

— Ах он, пакостник! Ах бесстыдник! — вскричала баба и кинулась во двор, где шумели чем-то встревоженные куры.

Там, среди площадки, вертелся Николенька с зажатым между коленями пестроперым петухом и щипал из него перья. Сильный и злой певун не поддавался озорнику. Хрипя, дергаясь, он

вырвался из разбойничьих рук Николеньки и не струсил, не убежал, а взлетел на спину своему тирану и стал клевать его в затылок. Втягивая голову в плечи, стараясь смахнуть с себя злобную птицу, молодой Демидов побежал по двору. Но прославленный по всему заводу бесстрашный петух-забияка так вцепился острыми шпорами в бархатный камзольчик, и так сильно бил крыльями, и так упорно и больно продолжал долбить в спину, в плечи, в затылок, что Николеньке на самом деле стало страшно. Он не удержался и закричал на весь двор:

— Ка-ра-у-ул!

— Что? — ехидно ухмыльнулся в седую бороду Селезень. — Нашла коса на камень? Этот, братец, петух на весь петушиный народ разбойник! — Приказчик схватил метлу и бросился оборонять молодого Демидова.

Встрепанный, изрядно исцарапанный, но веселый, Николенька побежал по двору и залиvisto на ходу закукарекал.

— Это же непорядок, Николай Никитич, — степенно осудил задиру приказчик. — Петька победил, а вы оповещаете весь двор!

Но мальчуган не слышал увещаний старого приказчика: он уже мчался через площадь к слободским избам, напрашиваясь на новую потеху.

— Слава тебе господи! — облегченно вздохнула стряпуха. — Хоть часик-другой даст дворовым роздых!

Однако Николенька не добежал до слободы, свернул к пожарке. Там, у наполненных водою бочек, дремал худой, сутулый дед, босой, в теплом гречушнике. Подле него в тени лежал разморенный жарой дряхлый козел. Демидовский сынок тенью скользнул мимо деда, подобрался к грязному всклокоченному козлу и подвязал к его хвосту погремушку. И этим еще не удовлетворился озорник: птицей взлетел он по ступенькам скрипучей лесенки на каланчу и тревожно зазвонил в набатный колокол.

Дед очумело вскочил и выбежал из-под навеса. Протирая красные, слезящиеся глаза, взглянув вверх и узнав Николеньку, старик взмолился:

— Ну что наробил, баринок? Засекут теперь меня, старого, по наказу Никиты Акинфиевича.

Разбуженный пожарным сполохом, козел по привычке выбежал на площадь, и, так как звон позади него не прекращался, он

ошалело закружился на месте. Со всех сторон на тревогу сбегались поднятые работные и, не видя дыма, наперебой спрашивали друг друга:

— Что стряслось? Не отошел ли, часом, хозяин?

И тут перед каланчой, как всегда словно из-под земли, вырос вездесущий приказчик Селезень.

— Николай Никитич, пожалуйста домой! — закричал он, задрав бороду к вышке.

Молодой Демидов прекратил звонить, но сейчас его внимание привлекла чудесная панорама, которая развевывалась вокруг: по необъятному синему небу вереницей плыли пухлые облака, и легкая лебяжья стая их чудесно отражалась в нежно-акваринных водах пруда. За белым дворцом зеленой стеной стоял густой сад, а за ним, где-то далеко, на слободе лаяли псы. На самом солнцепеке, на песке у пруда, лежали заводские ребята, то и дело их бронзовые тела ласточкой бросались с высокого гребня плотины в темный омут. Ух, как хорошо! У Николеньки дух захватило от возбуждения. Только серебряные брызги, как искры, быстролетно мелькали на солнце. А над головой молодого Демидова, медленно шевеля распахнутыми крыльями, высоко в лазури парил орел. Мальчуган опустил глаза вниз. Там, поминутно подтягивая сползающие с костлявого тела портки из ряднины, дед-пожарник незлобиво грозил:

— Вихорь его возьми! Погоди, уютка доберусь до тебя. Ишь, лупоглазый, что натворил!..

4

Теплая летняя ночь, стояла пора звездопада. С гор дул мягкий ветер и порывами приносил запахи соснового леса, легкой гари с болот. Густые кроны деревьев в господском саду тихо, задумчиво лепетали, и еле слышный шорох их сливался и угасал в глубоком безмолвии ночи. В демидовском доме давно погасили огни и все отошли ко сну. Только среди темных ветвей древней дуплистой березы, которая росла у стены дворца, вверху блестели, точно золотые дощечки, освещенные оконца в светелке мисс Джесси. В косых лучах света чуть-чуть дрожали озаренные листья, и тонкий, слегка дурманящий аромат доносился в распахнутое окно.

Среди горенки с низким потолком на ветхом обтертом стуле сидела мисс Джесси. Спина ее горбилась, вокруг большого рта легли усталые печальные морщины. Ее глаза, освобожденные от очков, казались совиными, странно щурились, принимая тревожное, недоумевающее выражение.

Старая дева пристально разглядывала себя в овальное зеркало. Покачивая утиной головкой с наверху накрученными бумажными папильотками — отчего на стене колебались тени рогулек, — она то приближала лицо к зеркалу, то вновь отклонялась от него. Улыбаясь загадочно, мисс щерилась большими желтыми зубами, и улыбка эта удивительно походила на страшный оскал мертвой головы.

О чем думала мисс Джесси в эту минуту? Ночью, когда глубоко и свободно дышит вся природа и тысячи ароматных испарений насыщают воздух, когда каждый цветок и каждая былинка, согретая солнцем, и теплая росистая земля, и мимолетное облачко — все, все веет чистотой, свежестью, прохладой и покоем, — мисс Джесси, наверное, думала об утерянном...

Жалкой и смешной казалась себе старая дева. И еще смешнее показалась она, когда спустила с плеч платье и залюбовалась своим желтым костлявым телом, покрытым от холода гусиной кожей.

Молодой Демидов сидел на дереве среди густых ветвей и все видел.

— Ух, страсти! — разочарованно вздохнул Николенька. Он неосторожно зашевелился, и под его ногой треснул сучок. Англичанка вздрогнула, быстро прикрыла плечи и подошла к окну.

— Кто здесь? — испуганно прошептала она.

Среди озолоченных светом листьев показалось смеющееся лицо Николеньки. В глазах его светилось озорство.

— Что вы здесь делали? — строго спросила мисс Джесси.

Молодой Демидов не смутился, смотря в глаза гувернантке, признался:

— Больно уж захотелось поглядеть, похожи ли вы, мисс, на наших крепостных девок! — Николенька ехидно улыбнулся, высунул язык и быстро по стволу березы скользнул вниз. Под его торопливыми движениями слышался шелест листвы, да между заколебавшимися ветками выглядывали синие звезды. Англичанка свирепо процедила сквозь зубы:

— Какой стыд! Взбалмошенный мальчишка!..

Она энергично захлопнула окно, резким движением задернула штору и взволнованно опустила в кресло, закрыв лицо руками. В эту минуту Джесси поняла, что она некрасива, поблекла, что никто ее не понимает и не поймет в этой стране, где люди и сильны и напористы. Слезы заблестели на ее рыжеватых ресницах.

— Боже мой, как страшна и безобразна старость! — тяжело вздохнула она и устало опустила руки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Россия деятельно приступила к утверждению своей безопасности на юге со стороны турок. В 1778 году в Азовском крае стараниями русских были возведены многие города. На берегах моря возникли Херсон и Мариуполь, а на границах Крымского ханства — Екатеринослав. Беспокойство Турции было велико. Особенно встревожились турки, когда увидели, что подвластные им греки и армяне с семьями и со всем своим скарбом стали перебираться в отстроенные российские города. Но более всего тревожило Порту положение в Крыму, который долгое время служил угрозой русской земле. Издавна, многие столетия, отсюда крымчаки совершали свои набеги и нашествия на Русь. Через Дикое Поле, по старинному Муравскому шляху, прорываясь через засеки на север, многочисленные орды татарских наездников добирались до Москвы. Не раз столица Московского государства пылала от их рук. Настало время, когда решено было положить предел вечным беспокойствам на южной границе нашей родины. В Крыму в эту пору шла ожесточенная борьба двух партий, турецкой и русской ориентации. Хан Шагин-Гирей, свергнутый с престола турецкими ставленниками, обратился за помощью к русским. Россия вернула ему трон, но, поскольку интриги и происки Турции не прекращались, число русских войск в Крыму увеличилось, и в скором времени начались переговоры с ханом Шагин-Гиреем, которые привели к желанной цели. Хан отказался от своих прав, и Крым 8 апреля 1783 года навсегда был присоединен к России.

Событие это вызвало чрезвычайно сильное волнение в Константинополе. Ожидался разрыв между Россией и Турцией, которая грозила войною. Однако благодаря усилиям Потемкина и русского посла в Турции Булгакова Порту удалось отклонить не только от войны, но еще и заключить с нею 23 июня 1783 года очень выгодный для России торговый трактат, а 28 декабря была подписана с турками конвенция, по которой Крым оставался за Россией и река Кубань назначалась границей между обоими государствами. Таким образом, за русскими закреплялся обширный, богатейший, но малонаселенный край, названный Новороссией.

Генерал-губернатор вновь приобретенных земель князь Потемкин энергично приступил к устройству городов, возведению крепостей, заселению диких степных пространств и развитию земледелия. Он мечтал о превращении Новороссии в оживленный край, в котором процветали бы промышленность, искусства, и тем самым Россия прочно стала бы на Черном море.

По его приказу разводились в степях леса, виноградники, тутовые деревья для шелковичных червей, возникали фабрики, казармы, дворцы и театры. И самое важное, на Черном море стали строить русский флот.

Своим дерзновением Потемкин поражал многих современников. Он засыпал государыню самыми смелыми и неожиданными проектами, в которых было больше необузданной фантазии, чем реальной возможности. Екатерина Алексеевна, не зная подлинного состояния дел в Новороссии, слепо верила своему фавориту, щедро награждала его чинами, крепостными, дворцами. Потемкину пожаловали все русские ордена, звание генерал-фельдмаршала и президента военной коллегии. Ему шли огромные суммы, из которых он беззастенчиво заимствовал на личные надобности и прихоти. Генерал-губернатор Новороссии не считался ни с чем. Пользуясь особым доверием и благорасположением к нему государыни, Потемкин злоупотреблял своею властью, часто не различая государственных средств от личных. Миллионы рублей уходили на удовлетворение причуд светлейшего. Города оставались недостроенными, проекты забывались, а между тем казна заметно опустошалась. Нашлись люди, которые повели против Потемкина борьбу, стремясь доказать, что он обманывает госу-

Федоров Е.

Ф 33 Каменный Пояс. Хозяин Каменных гор : роман / Евгений Федоров. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 768 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30746-9

Талантливый тульский оружейник Никита Демидов получил в награду от самого Петра I уральские земли и заводы — так началась история богатейшей промышленной династии Демидовых, находчивых и предприимчивых, жестоких и требовательных, властных и самоотверженных. История этой семьи неразрывно соединилась с историей России. «Каменный Пояс» Евгения Федорова, цикл произведений, посвященный Демидовым, любим читателями за историческую достоверность и точность в деталях, выразительную речь персонажей, захватывающий сюжет. В настоящем издании публикуется роман «Хозяин Каменных гор», посвященный последним представителям династии: известному меценату Николаю Демидову и его младшему сыну Анатолию, мужу племянницы Наполеона и князю Сан-Донато. Потомки тульского промышленника, получившие дворянское воспитание и образование, все реже и реже приезжают на уральские заводы и почти постоянно живут в столице или в Европе: какой будет судьба Каменных гор при новых хозяевах и продолжится ли семейное дело?

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЕДОРОВ

КАМЕННЫЙ ПОЯС

ХОЗЯИН КАМЕННЫХ ГОР

Ответственный редактор Валерия Андоскина
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Людмила Дубовая, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.10.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-39948-01-R